

УДК 340.13

DOI 10.25688/2076-9113.2020.38.2.09

В. А. Северухин

Проблемы защиты права на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровизации

В статье рассматриваются проблемы защиты права на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровизации. Используются международно-правовые документы, российское национальное законодательство, примеры из правоприменительной практики. Авторская позиция такова: технологическая революция и цифровая реальность не могут служить основанием для нарушений неприкосновенности личной жизни. Предлагается принятие необходимых мер, в том числе и законодательных, чтобы сохранить автономию личности.

Ключевые слова: информационные технологии; фундаментальные права человека; автономия личности; оптимизация функционирования институтов государства; способы оборота информации; возможности технологической революции и цифровой реальности; киберпространство.

Начало XXI века ознаменовалось бурным развитием информационных технологий. Это привело к формированию цифровой реальности, сфера которой постоянно совершенствуется и расширяется. Цифровизация экономики, средств массовой информации, сферы образования, здравоохранения, науки в целом создали эту новую реальность. Использование робототехники сегодня существенно расширяется во всех областях человеческой деятельности. Отдельные операции в медицинских центрах проводят роботы, их применение начинается уже и в сфере юриспруденции и имеет определенные перспективы. Появление криптовалют, транспорта без водителей, дистанционное общение с государственными и негосударственными органами и организациями, банками, пользование Интернетом, а также безличностное общение — все это различные формы проявления цифровизации общества.

Перспективы цифровизации пытаются осмыслить представители различных направлений науки и техники. Роль права в процессе цифровизации весьма актуальна. По этой проблеме есть достаточно публикаций [4; 5, с. 5–20; 6, с. 5–13; 8, с. 5–16]. Что касается исследований возможного воздействия процессов цифровизации на сферу частной жизни, то это направление еще недостаточно исследовано [1, с. 63–69]. Необходимо обозначить допустимые границы вмешательства государства в сферу личной жизни. Цель: сохранить все то прогрессивное, что выработано человечеством в сфере межличностных отношений, а также отношений государства и общества. Новая реальность

не должна разрушать ценности, которые оформлены в международно-правовых актах о правах человека, характере взаимоотношений между государствами. Нами ставится более конкретная задача: попытаться с позиции теории права осветить наиболее важные, с нашей точки зрения, аспекты защиты частной жизни в цифровую эпоху.

Цифровизация приводит к тому, что вся информация о человеке становится доступной отдельным организациям и лицам, т. е. фактически речь идет о нарастающей угрозе утраты индивидуальной свободы и автономии личности.

Расширение интернет-пространства предоставило каждому новые возможности по использованию информации. Но появилась новая проблема обеспечения безопасности в сетевом мире: незащищенность от киберпреступности, контроля со стороны спецслужб.

Цифровая революция ставит людей в зависимость от технологий. Мы «все больше похожи друг на друга, в нас все меньше креативности, индивидуальности, независимости» [9].

Новые технологии позволяют легко прослушивать не только телефонные разговоры, но и дают возможность определять местонахождение человека, знать, что он делает дома, на работе, в общественных местах, чем интересуется, с кем общается. Практически это стало возможно и в ряде случаев делается без санкции суда. Государство способствует тому, чтобы на законных основаниях «включить» население в информационную сферу. Формы разные: навязывание электронных способов общения с госорганами, распространение банковских карт, внедрение учебников в электронном виде и др. С одной стороны, это вроде бы удобно, с другой стороны, в ряде случаев это ведет к обезличиванию чиновников, что снимает с них ответственность. Но основной недостаток — все это дает возможность соответствующим государственным органам знать о каждом все, в том числе и о его прошлом.

В этой связи нельзя не заглянуть в будущее, в перспективы развития человечества, характера взаимоотношений личности и государства, попробовать оценить соответствие действующего права новым реалиям. Речь идет о сохранении общепризнанных принципов международного права, закрепленных международными документами, о соблюдении прав человека и гражданина в условиях цифровизации, о сохранении гражданского общества, о необходимости совершенствования с этой целью международного и национального права.

Названные проблемы необходимо попытаться осмыслить с позиций философии и общей теории права. Однозначного решения данной проблемы нет. По-видимому, непрерывно развивающийся научно-технический прогресс и выработанные человечеством подходы к характеру взаимоотношений личности и государства, взаимосвязи их интересов необходимо соотнести, но не в ущерб правам человека и гражданина. Фактически обозначена первая и наиболее важная позиция, которую необходимо соблюсти при решении данной проблемы. Сложность в том, что все новации научно-технической революции, и прежде

всего цифровизация, направлены в целом на благо человечества, в том числе и на обеспечение прав человека и гражданина.

Цифровизация предполагает ряд проблем в контексте организации государственной власти, системы и характера управления делами общества и, что важно, сохранения автономии личности, как мы ее представляем, в свете соблюдения прав человека и действующего права в демократических государствах.

Сегодня наблюдается отставание в подготовке международно-правовых документов и национального законодательства, которые позволили бы сохранять фундаментальные права человека и государственный суверенитет в новых условиях. Возможность развития негативного сценария не исключена.

В художественной литературе похожие идеи были изложены в романе Е. И. Замятина «Мы», написанном еще в 1920 году. Сюжет: далекое будущее, в котором личность подчинена жесткому тоталитарному контролю. Впервые книга была опубликована на английском языке в Нью-Йорке в 1924 году, после чего на родине писателя началась кампания по его травле. Антиутопия Е. И. Замятина была напечатана на русском языке лишь в 1988 году¹. Вариант той же идеи был воспроизведен в американском фильме «Бегущий человек» с участием А. Шварценегера (*англ.* The Running Man, фантастический кинофильм-антиутопия 1987 года режиссера Пола Майкла Глейзера).

И другой аспект: не подчинит ли себе научно-техническая революция (те же роботы) человечество. Подобные прогнозы были сделаны во многих романах и кинофильмах, например таких как «Гибель сенсации» — советский кинофильм (1935) по мотивам романа Владимира Владко, «Железный бунт» («Роботарі ідуть») (1931), «Бунт роботов» — фильм 1984 года, «Терминатор 3: Восстание машин» — фильм 2003 года, «Восстание машин» (Robotropolis) — фильм 2011 года, и др.

Мы неслучайно вспомнили эти сюжеты, их анализ предостерегает человечество от возможностей негативного развития взаимоотношений государства, личности и общества в эпоху цифровизации, искусственного интеллекта. Быть может авторы этих художественных произведений предвидели возможности наступления полной зависимости людей от власти, как это уже было в истории человечества, или от роботов, но тогда еще не представляли, каким образом это может произойти. Думается, что настало время всем, кто вносит свой вклад в развитие цифровой эпохи, вновь ознакомиться с этими художественными произведениями. Это, как мы полагаем, может помочь избрать более верный путь и ускорить регулирование проблем, связанных с цифровизацией и искусственным интеллектом.

Имеют место прогнозы о том, что в развитых странах в недалеком будущем цифровизация реально позволит предоставить работу всего 3–5 % населения. Этого будет достаточно, чтобы обеспечить необходимым остальных членов общества.

¹ Подробнее: URL: <https://obrazovaka.ru/books/zamyatin/my#ixzz68v0iPA7S> (дата обращения: 25.12.2019).

Переход на онлайн-платформы даст возможность организациям становиться более прозрачными в своей работе, планах. Сама цифровая экономика в принципе немыслима без сетевого и социального сотрудничества.

В экономической и политологической литературе последних лет отмечается формирование мирового рынка интеллекта. Что это? Какое это отношение имеет к праву, государству?

Мировой рынок труда расширяет возможности для талантливых специалистов. Благодаря онлайн-платформам они могут участвовать в различных проектах, проводимых на территории разных стран. Аналогичная ситуация складывается и в отношении лиц с ограниченными возможностями, жителей отдаленных районов, женщин, занимающихся воспитанием детей и некоторых других категорий.

Работа, благодаря глобальной связи, становится все более виртуальной и выполняется в режиме реального времени в любом месте и в любое время при помощи мобильных устройств. Появление такого гибкого глобального предприятия требует от компаний управления динамичной работой специалистов и поддержания цифровых бизнес-процессов, которые могут оказаться эффективными даже при распределении по различным местам и часовым поясам.

Применение новых технологий, в частности использование роботов, автономных транспортных средств, товарных датчиков, искусственного интеллекта, Интернета, создает новую реальность и в сфере трудовых правоотношений, стимулирует ускоренную замену устаревших технологий. Но это не основное. Важно то, что действующие международно-правовые документы не в полной мере учитывают возможности цифрового мира. Законодательства большинства стран не успевают за цифровой реальностью.

Верховный комиссар ООН по правам человека в своем докладе «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век»² обратил внимание на необходимость сохранения неприкосновенности частной жизни и выразил обеспокоенность по этому поводу. Ряд резолюций Совета по правам человека и Генассамблеи ООН обращают внимание на риски для неприкосновенности частной жизни в связи с расширением государственных мер слежения, а также возможным вмешательством в эту сферу со стороны иных организаций и частных лиц. Трактовка неприкосновенности частной жизни включает в себя и общественное пространство, и общедоступную информацию, а также и метаданные, т. е. все то, что можно узнать из содержания частного общения.

Как в новой реальности адаптируется население? Поколение старше 50–60 лет воспринимает цифровизацию весьма осторожно, так как не всегда в состоянии понимать и использовать блага этого явления. Ситуация осложняется тем, что действующие законодательства большинства стран, в том числе и РФ, не приспособлены к новой реальности.

² Доклад комиссара ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/39/29> (дата обращения: 25.12.2019).

Обеспечение неприкосновенности частной жизни человека предполагает, что он должен иметь определенное пространство для взаимодействия и свободы, общения с другими лицами. Это обеспечение подразумевает и свободу от вмешательства государства, его органов, а также частных лиц и организаций. Понимание неприкосновенности частной жизни не ограничивается изолированными пространствами (жилое помещение, салон автомашины). Этот подход распространяется в определенной мере и на общественное пространство, и на общедоступную информацию.

Любые отклонения в защите права на неприкосновенность частной жизни, на любом их основании, по мнению Верховного комиссара ООН по правам человека, несовместимы со ст. 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. От имени ООН комиссар рекомендовал государствам в этой связи принятие ряда мер, необходимых для защиты неприкосновенности частной жизни. К их числу отнесено:

- принятие законодательства о защите частной жизни, в том числе и в части защиты конфиденциальности данных;

- контроль за сбором и хранением биометрических данных, проведенных в больших объемах. Внедрение таких методов возможно только тогда, когда государство может доказать их необходимость и соразмерность для достижения законной цели;

- обеспечение любого ограничения на неприкосновенность частной жизни, в том числе и на отслеживание частных коммуникаций. Следует понимать, что санкционирование мер слежения требует разумных оснований для подозрений, что какое-либо лицо совершило или собирается совершить уголовное преступление или деяние, связанное с конкретной угрозой для национальной безопасности;

- укрепление механизмов правового санкционирования государственного слежения и надзора за ним для осуществления контроля и обеспечения законности в отношении необходимости и соразмерности мер слежения;

- пересмотр национальных законов с целью исключения требования к телекоммуникационным и иным компаниям о тотальном и неизбирательном удержании коммуникационных данных;

- принятие мер для повышения уровня прозрачности и подотчетности в процессах использования технологий слежения государствами³.

Трудно что-либо возразить по содержанию и объему мер, рекомендованных ООН государствам. Однако как это сделать практически, какие механизмы предусмотреть, чтобы реально обеспечить исполнение этих рекомендаций и при этом не затормозить процессов цифровизации, не совсем ясно. Нетрудно предположить, что в странах, где развиты институты гражданского общества, эти пожелания полностью или частично могут быть законодательно

³ Рекомендации Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/39/29> (дата обращения: 10.11.2019).

оформлены и постепенно выполняться. В недемократических государствах власть вряд ли сможет отказаться от возможностей усиления тотального контроля за своими гражданами и организациями и укрепления вертикали власти, сохранения ее несменяемости. Держать всех и все под контролем, ссылаясь на аргументацию об обеспечении общего блага (той же безопасности граждан, необходимости розыска преступников и др.), — это предсказуемая и неизбежная практика недемократических государств.

Цифровизация, как всякая новая технология, имеет позитивный аспект и свою убедительную аргументацию дальнейшего развития в контексте защиты прав граждан. Все формы фиксации, слежения и т. д. важны для предотвращения правонарушений или их раскрытия, обеспечения правопорядка. Как совместить две противоположные тенденции и реально обеспечить защиту личной жизни граждан? Вопрос в определенной мере риторический. Нельзя не согласиться с В. Д. Зорькиным, который подчеркнул, что «прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации» [2, с. 11–12]. Он отметил, что зарождается новое право — «право второго модерна», которое регулирует экономические и социальные отношения в цифровом мире. По его мнению, наступило время для конкретизации прав и свобод человека и гражданина в контексте цифровой реальности. Речь идет о так называемых цифровых правах, под которыми понимаются права человека и гражданина на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений. Кроме того, можно говорить о правовых аспектах использования различных электронных устройств и коммуникационных сетей, в том числе и Интернета.

В ст. 30 Всеобщей декларации прав человека закреплено важное положение о свободе информации. В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Международном пакте о гражданских и политических правах, Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека, Конституции Российской Федерации данное требование изложено более обстоятельно.

В июле 2000 года восемь мировых держав, включая Россию, приняли в Окинаве Хартию глобального информационного общества. Суть этого документа состоит в закреплении принципиальных подходов в формировании глобального информационного общества и необходимости соблюдения общих принципов международного права и прав человека в информационном обществе. В то же время хартия имела и другие цели: ориентировать государства на преодоление электронно-цифрового разрыва между ними и способствовать расширению использования глобальных сетей в электронной торговле.

Конвенцией о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 1981) определены ключевые понятия цифровизации, которые следует использовать как базовые всем государствам. В то же время конвенция предостерегает правительства о необходимости защиты физических лиц от злоупотреблений, которые возможны при сборе и обработке персональных данных.

В Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ в июне 2019 года прошел практикум Международной школы молодых ученых-юристов на тему «Право в условиях цифровой реальности». Это было своеобразным подведением итогов того, что сделали юристы и что им предстоит сделать в контексте цифровой реальности. Выступая на этом практикуме, академик РАН В. Степин подчеркнул важность постановки вопроса о том, что будет с самой идеей права в современных условиях, когда можно изменять не только окружающую среду, но и генетическую структуру самого человека. Также обсуждались проблемы взаимодействия робота и человека, судебная защита прав в условиях киберреальности и цифровой экономики, взаимоотношения права и медиа в новой цифровой среде и другие актуальные вопросы права в условиях стремительного развития цифровых технологий⁴.

В научном мире уже введен термин «цифровые права человека», фактически это есть универсальные права человека и гражданина, которые гарантированы международным правом и отражены в конституциях демократических государств. Обязанность государства не только признавать, но и создать механизмы защиты этих прав.

В России действует Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Кроме того, имеются законы «О персональных данных», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и др. Однако существующие законы в сфере информационного права имеют ряд недостатков. Они не соотнесены в достаточной мере между собой, а самое главное, механизмы их реализации не обеспечивают в достаточной мере защиту прав граждан. С чем это связано? Мы полагаем, что основные недостатки коренятся не только в определенной сложности защиты прав человека и гражданина, связанной с процессом цифровизации, но и в системных проблемах самой российской государственности. Законодательно провозглашенные права человека и гражданина на практике не всегда обеспечиваются. Невысокий уровень работы исполнительных и правоохранительных органов власти привел к ситуации, когда паспортные и иные персональные данные (метаданные) бесконтрольно собираются не только государственными и негосударственными организациями, но и фактически находятся в свободном доступе, открытом в том числе и для криминальных структур.

Ряд ученых-юристов полагают, что выходом из такой ситуации могла бы быть систематизация законодательства. Институтом государства и права РАН еще в 2014 году была подготовлена концепция проекта Информационного кодекса РФ. Трудно возразить против данного предложения, но принятие этого акта вряд ли сможет обеспечить цифровые права граждан.

⁴ См. Правовые аспекты внедрения цифровой реальности. URL: <https://minjust.ru/ru/smi-o-nas/pravovye-aspekty-vnedreniya-cifrovoy-realnosti> (дата обращения: 09.01.2020).

Для обеспечения непрерывно развивающихся цифровых прав российских граждан предлагается следующее.

В основе недостатков в обеспечении прав человека и гражданина в России лежит неполное соответствие конституционно провозглашенного и реального. Причины общеизвестны: нарушение принципа разделения властей, недостаточно развитое гражданское общество, определенная зависимость средств массовой информации от власти, низкий уровень жизни населения, несменяемость власти, коррупция и др. [7].

Отдельным аспектом права в цифровом пространстве является киберправо и киберпреступность. Речь здесь идет прежде всего о правонарушениях, совершаемых во всех сферах компьютерных и информационных технологий. Развитие права, а точнее национального законодательства, как правило, не успевает за неправомерными действиями в сети Интернет. Граждане, к сожалению, не застрахованы от мошенничества в цифровой среде, а государственные органы не предпринимают своевременных мер для предотвращения подобных правонарушений.

Конвенция о киберпреступности воспринята и обществом, и властью неоднозначно, она вызывает много вопросов, а порой и неудовольствие. Так, многие полагают, что «регулировать правовую часть можно только за счет сбора информации о пользователях, а ведь именно этот момент противоречит основной статье Европейской конвенции о защите прав человека»⁵.

Практически во всех отраслях права использование цифровых технологий открывает новые возможности для оптимизации большинства видов деятельности. Это же можно сказать и об оптимизации государственных функций. Сферы правотворчества и правоприменения в контексте использования цифровизации также имеют большие перспективы. Речь идет о повышении качества нормативно-правовых актов, устранении пробелов и коллизий.

Если заглянуть в будущее, то, по-видимому, цифровизация позволит соотносить конституционно провозглашенное и реальное, с указанием на то, что из реального не соответствует конституционному. Более того, могут быть созданы различного рода проверочные программы, которые позволят проводить анализ различных подсистем, характера их взаимодействия по вертикали и горизонтали, т. е. в конечном итоге давать оценку соответствия их деятельности конституционным требованиям. Однако такая возможность будет встречена позитивно лишь в государствах, которые действительно стремятся сохранить демократию независимо от новых технологических возможностей человечества.

Государство должно четко определять границы действия цифровых прав. Это касается и пределов контроля информационной среды со стороны государства и его правоохранительных органов. Найти оптимальный вариант,

⁵ Право в цифровом пространстве. URL: <http://mirdostupa.ru/pravo-v-cifrovom-prostranstve-novoe-v-2019-godu/> (дата обращения: 14.07.2019).

сохранить цифровые права граждан непросто, но необходимо. Естественно, что каждое государство имеет свою специфику по характеру и традициям взаимоотношений власти и населения, которая повлияет на выбор этого варианта.

Нельзя не согласиться с позицией В. Д. Зорькина о «необходимости поиска в законодательном регулировании оптимального правового компромисса между возможностью доступа правоохранительных служб и компьютерной информацией, и правом граждан на ее конфиденциальность» [2, с. 11–12]. Основным ориентир в этой сфере, как отмечает автор, — конституционные принципы и нормы. Центром проблемы выступает конфликт между возможностью доступа государственных органов, прежде всего правоохранительных, к компьютерной (в целом — цифровой) информации и правом граждан на ее конфиденциальность.

Для того чтобы предложить какие-либо действенные рекомендации законодательным органам, необходимо четко представлять реально происходящие процессы, связанные в России с цифровизацией.

Руководство Российской Федерации осознает перспективы цифровизации и активно внедряет ее во все сферы жизни. Аналогичные процессы протекают в КНР, США и большинстве европейских государств. Однако уровень правопорядка, правовой культуры граждан, традиций в этих странах несколько иной, чем в РФ.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации создано 15 мая 2018 года указом Президента Российской Федерации № 215 на базе Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. В субъектах Федерации были созданы аналогичные по сущности департаменты. В ряде организаций, как государственных, так и частных, созданы подразделения, обеспечивающие их цифровое развитие. Цифровизация, новые технологии, несомненно, поднимают имидж государства. Это положительное явление. Но у некоторых специалистов есть свое мнение, и оценивают они это явление под другим ракурсом. Так, руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского центра Карнеги А. Колесников подчеркивает, что «модернизация необходима для выживания текущей политической системы, а повсеместное введение технологий должно создать более удобное “новое чиновничество”, которое обеспечит прозрачность и управляемость различных сфер общества» [3].

В Москве формируется система цифрового контроля над гражданами, их персональными данными, автомобилями. Тысячи камер подключены к системе распознавания лиц, которая постоянно развивается и совершенствуется. Городские системы видеонаблюдения имеются практически во всех мегаполисах. Человек, выходящий на улицу в течение дня, попадает в поле зрения десятков (а порой и сотен) камер, которые принадлежат разным владельцам. Это ГИБДД, государственные и негосударственные учреждения и организации, торговые центры, метрополитен и т. д. В самой Москве камеры имеются

практически на каждом подъезде. Нельзя не отметить, что аналогичная ситуация сложилась в подавляющем большинстве мегаполисов мира.

Возможности новых технологий постоянно совершенствуются. Так, на 2020 год планируется установка в подъездах Москвы камер с разрешением до 100 % (в настоящее время — до 40 %). Все данные с камер попадают на сервера, которые позволяют распознавать миллионы лиц. А если сервера состыкованы с фотографиями из соцсетей или иными базами данных, в том числе и базами мобильных операторов, то можно определять и принадлежность мобильного телефона, и место пребывания человека в любом месте: на работе, конференции, митинге и т. д. Вся эта персонифицированная информация накапливается годами с ранжировкой по времени и месту, причем не только на день и месяц, а до часов и минут. Следует уточнить, что съемки, как правило, ведутся с нескольких камер и дают изображения с разных ракурсов, которые можно увеличивать, а в отдельных случаях имеется и возможность записать звуковое сопровождение. С некоторой натяжкой здесь можно говорить о виртуальной машине времени, способной детально показать прошлое.

Необходимость установки видеокamer и программ распознавания лиц обосновывается, как мы отмечали, обеспечением безопасности граждан. Да, в той же Москве резко сократилось количество квартирных краж, угонов автомобилей. Это положительная сторона. Но есть и другие аспекты. Преступников единицы, а «фильтруют» в основном законопослушных граждан. Нарушается право на тайну личной жизни. Если это делают правоохранительные органы, то это как-то еще можно объяснить. Но это делается и на вокзалах, и в организациях, и в учебных заведениях, и в иных местах.

Нельзя не отметить и резкий всплеск преступности, связанной с использованием компьютерных сетей, сотовой связи и иных возможностей цифровизации. Как реагируют правоохранительные органы? В большинстве случаев вяло и с большим опозданием. Жертвами этих преступлений преимущественно становятся люди старшего поколения, которые недостаточно представляют возможности новых технологий.

В 2018 году Департамент информационных технологий Москвы разработал программу «Умный город – 2030»⁶. По плану мэрии уже через 10 лет москвичи будут жить в цифровом мегаполисе. Как это понимать? Высказывается опасение, что ситуация будет как нечто среднее между Силиконовой долиной и Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая [3, с. 6]. Данное сравнение предостерегает от тотальной слежки за гражданами и возможностей формирования «цифровой диктатуры» по китайскому образцу. К концу 2019 года в Москве уже было установлено 162 000 камер. Скрыться от них практически невозможно. Распознавание происходит, даже если лицо скрыто под маской, а также по силуэту. Система распознавания лиц заработала в Москве еще в 2017 году.

⁶ См. URL: <https://2030.mos.ru/> (дата обращения: 10.11.2019).

В РФ не спешат с принятием законодательства, которое бы регулировало вопросы, связанные с распознаванием лиц. В соответствии с действующим законом «О персональных данных» биометрию допустимо использовать только с согласия самого человека и лишь в исключительных случаях для противодействия терроризму, защиты общественного правопорядка. Формулировки норм закона весьма расплывчаты, они оставляют возможности для злоупотреблений. Прежде всего это касается механизмов действия правоохранительных органов. Дело в том, что в самой системе распознавания лиц могут быть ложные срабатывания. Но, что самое важное, данные технологии фактически не оставляют места для приватности и личного пространства. Граница между частной и публичной сферой постепенно размывается.

В России прошло несколько судебных процессов, где предметом иска был запрет на видеоидентификацию лиц, так как система биометрии не предусматривает предварительного письменного согласия на сбор и использование данных. Так, Савеловский суд Москвы отклонил иск Алены Поповой, требовавшей запретить применение в столице технологии видеоидентификации лиц. Ответчиками по иску выступали МВД, Департамент информационных технологий Москвы и управление Роскомнадзора по ЦФО. Представитель Департамента информационных технологий пояснил, что система распознавания лиц и видеонаблюдения нужны не только для идентификации граждан, но и для выявления проблем во дворах жилых домов.

Истица подчеркнула, что данные технологии распознавания лиц явились основанием, когда ее оштрафовали на 20 тыс. рублей за одиночный пикет у здания Госдумы весной 2018 года⁷.

Наибольшую опасность представляет фактическая бесконтрольность использования данных и масштабные утечки информации. В средствах массовой информации неоднократно приводились случаи, когда копии паспортов граждан, другие персональные данные появлялись в свободном доступе. Утечки информации зафиксированы в банках, в том числе и в Сбербанке, ГИБДД, различных негосударственных организациях. Необходимо законодательное регулирование использования технологии распознавания метаданных. Неслучайно ряд юристов, простых граждан требует наложить мораторий на использование технологий распознавания лиц.

У большинства граждан России пока нет особого беспокойства по поводу сохранения конфиденциальности данных. Однако широкую общественную огласку уже получили случаи, когда граждане, столкнувшись с незаконным использованием паспортных данных, потеряли право собственности на свои квартиры или деньги со своих счетов. Для этих махинаций мошенники использовали втемную судебные органы, нотариусов, банки.

Само государство на основе новых для России процессуальных институтов также позволяет госорганам списывать денежные средства с банковских

⁷ Суд признал законной работу системы распознавания лиц в Москве. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2019/11/06/1811681.html> (дата обращения: 28.11.2019).

карт граждан фактически без предварительного уведомления и их согласия. Формально это вроде бы законно. Но с учетом невысокого уровня работы почты, судебных приставов и других организаций у граждан остается чувство недопонимания, неудовлетворенности, а порой и обиды.

В политологической литературе отмечается, что увлечение технологической стороной модернизации вообще характерно для авторитарных режимов, а ее результаты весьма востребованы силовыми структурами. В результате инновационный метод борьбы с преступностью, систему распознавания лиц начинают в этих государствах использовать против неугодных власти людей, участников митингов, одиночных пикетов. Цифровизация в таком контексте помогает властям оптимизировать методы борьбы с протестной активностью.

Какие выводы из вышесказанного можно сделать и что считаем нужным предложить:

1. Назрела необходимость подготовки и принятия международной Конвенции об обеспечении прав человека в условиях цифровизации. Суть: подтвердить незыблемость положений международно-правовых документов о правах человека в условиях цифровизации.

Возложить на государства обязанности обеспечения прав человека и гражданина в новых реалиях путем создания соответствующих правовых механизмов.

2. Применительно к Российской Федерации.

Необходимо проведение всестороннего анализа правовых механизмов исполнения нормативно-правовых актов, которые должны, с одной стороны, обеспечивать ход процесса цифровизации, но в то же время и сохранять конфиденциальность данных граждан, автономию их личности. Существующие недостатки в этой сфере требуют законодательных изменений.

3. Проанализировать правоприменительную практику, связанную с использованием цифровизации при обеспечении прав и свобод граждан (эффективность работы в этом плане госорганов, в том числе и судебных).

4. Провести экспертизу всех законопроектов, которые используются или могут быть использованы в процессе цифровизации и касаются прав и свобод граждан.

5. Законодательным органам в первоочередном порядке следует вносить изменения в действующее законодательство в случае обнаружения возможности использования технологий цифровизации для нарушения прав и законных интересов граждан.

6. С учетом активизации использования компьютерных технологий для совершения преступлений в отношении граждан и организаций возникает необходимость усиления работы соответствующих государственных органов по раннему выявлению и предупреждению правонарушений и преступлений в этой сфере.

7. Необходимо усиление и координация государственного и общественного контроля за сбором, хранением и оборотом личных данных граждан, использованием компьютерных технологий в противоправных целях.

Системные проблемы российской государственности, мы их отмечали выше, могут быть осмыслены и сведены к минимуму. Изменения Конституции, самой политической системы, которые были озвучены президентом РФ в Послании Федеральному собранию в январе 2020 года, несомненно, будут способствовать защите прав и законных интересов граждан России. Нынешняя модель российского государства должна быть приведена в соответствие с собственными конституционными принципами и нормами международного права.

Литература

1. Баранов П. П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 63–69.
2. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4 (70). С. 2–8.
3. Козлова Д., Хачатурова А. Глаз — народу! // Новая газета. № 124. 06.11.2019.
4. Куксин И. Н., Мархгейм М. В. Цифровая революция»: правовые и этические проблемы // Конституционализм: симбиоз науки и практики: материалы Международного круглого стола, посвященного памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации Н. В. Витрука (Белгород, 8–9 ноября 2019 г.). Белгород, 2019. 176 с.
5. Малько А. В., Солдаткина О. А. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5–20.
6. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2 (266). С. 5–13.
7. Северухин В. А. Российская государственность: современные проблемы и перспективы (правовые аспекты): монография. М.: МГПУ, 2016. 116 с.
8. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16.
9. Яппаров Т. Цифровизация без хайпа // Ведомости. 4 апреля 2018.

Literatura

1. Baranov P. P. Konstitucionny`e prava i svobody` cheloveka v cifrovuyu e`poxu // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2019. № 2. S. 63–69.
2. Zor`kin V. D. Pravo metamoderna: postanovka problemy` // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. № 4 (70). 2019. S. 2–8.
3. Kozlova D., Xachaturova A. Glaz — narodu! // Novaya gazeta. № 124. 06.11.2019.
4. Kuksin I. N., Marxgejm M. V. Cifrovaya revolyuciya»: pravovy`e i e`ticheskie problemy` // Konstitucionalizm: simbioz nauki i praktiki: materialy` Mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashhennogo pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii N. V. Vitruka (Belgorod, 8–9 noyabrya 2019 g.). Belgorod, 2019. 176 s.
5. Mal`ko A. V., Soldatkina O. A. Prioritety` rossijskoj pravovoj politiki i izmeneniya prava v usloviyax cifrovizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 9. S. 5–20.
6. Pashencev D. A. Rossijskaya zakonotvorcheskaya tradiciya pered vy`zovom cifrovizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 2 (266). S. 5–13.
7. Severuxin V. A. Rossijskaya gosudarstvennost` : sovremenny`e problemy` i perspektivy` (pravovy`e aspekty`): monografiya. M.: MGPU, 2016. 116 s.

8. *Xabrieva T. Ya.* Pravo pered vy`zovami cifrovoj real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 9 (261). S 5–16.

9. *Yapparov T.* Cifrovizaciya bez xajpa // Vedomosti. 4 aprelya 2018.

V. A. Severukhin

Problems of Protecting the Right to Privacy in the Context of Digitalization

The article considers the problems of protecting the right to privacy in the context of digitalization. International legal documents, Russian national legislation, law enforcement practice are used. Author's position is as follows: the technological revolution and digital reality cannot serve as the basis for violations of the personal privacy. It is proposed to take necessary measures, including legislative ones, in order to preserve the autonomy of the individual.

Keywords: information technology; fundamental human rights; individual autonomy; optimization of the functioning of state institutions; methods of information circulation; the possibilities of technological revolution and digital reality; cyberspace.